

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

С.Ю. Анисимова

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет» (Самара, Россия)

Для цитирования: Анисимова С.Ю. *Еще раз о проблеме концептуализации исторической памяти. Аспирантский вестник Поволжья.* 2022;22(3):11-16. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.11-16

■ Сведения об авторе

Анисимова С.Ю. – канд. филос. наук, преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук. ORCID: 0000-0002-9075-9664
E-mail: anisimova.svietlana@mail.ru

Рукопись получена: 15.06.2022

Рецензия получена: 19.07.2022

Решение о публикации: 30.07.2022

■ Аннотация

Цель – дальнейшая концептуализация исторической памяти. Высказывается идея о том, что концептуализация связана с философскими границами интерпретаций социально-онтологических оснований исторической памяти. Подчеркивается, что социально-онтологические основания позволяют выявить онтологический статус исторической памяти на различных уровнях бытия. На уровне социального бытия историческая память выступает как способность общества фиксировать этапы взаимодействия с окружающей средой, онтологизируя процесс присвоения человеком природного материала. На институциональном уровне историческая память закрепляет собственное содержание в системе социальных институтов, с помощью которых выполняются функции государственной политики, эффективного управления и воспитания. На экзистенциальном уровне историческая память сохраняет и продолжает жизнь рода, семьи, индивида в пространственно-временных координатах: прошлое – здесь; прошлое – здесь и теперь; прошлое – здесь и там. Высказывается идея, что включение проблематики исторической памяти в междисциплинарное исследовательское поле расширяет границы ее концептуализации. Это приводит к обнаружению онтологической общности исторической и биологической памяти, что усиливает функционал фундаментального статуса исторической памяти.

- **Ключевые слова:** историческая память; статус исторической памяти; концептуализация исторической памяти.
- **Конфликт интересов:** не заявлен.

TO THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION OF HISTORICAL MEMORY

Svetlana Yu. Anisimova

Samara State Technical University (Samara, Russia)

Citation: Anisimova SYu. *To the problem of conceptualization of historical memory. Aspirantskiy vestnik Povolzhiya.* 2022;22(3):11-16. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.11-16

■ Information about author

Svetlana Yu. Anisimova – PhD, Lecturer at the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities. ORCID: 0000-0002-9075-9664
E-mail: anisimova.svietlana@mail.ru

Received: 15.06.2022

Revision Received: 19.07.2022

Accepted: 30.07.2022

■ Abstract

Aim – to proceed the conceptualization of historical memory. The author expresses the idea that conceptualization lays within the philosophical boundaries of interpretations of the socio-ontological grounds for historical memory. The socio-ontological foundations allow us to reveal the ontological status of historical memory on different levels of being. At the level of social being, the historical memory acts as the ability of the society to fix the stages of interaction with the environment, ontologizing the process of human appropriation of the natural material. On the institutional level, the historical memory fixes its own content in the system of social institutions, with the help of which the functions of public policy, effective management and education are performed. At the existential level, the historical memory preserves and continues the life of the dynasty, the family, and the individual in spatial and temporal coordinates: the past – here; the past – here and now; the past – here and there. The author suggests including the problematics of historical memory in the interdisciplinary research to expand the boundaries of its conceptualization. The ontological commonality of historical and biological memory is observed, which enhances the fundamental status of historical memory.

- **Keywords:** historical memory; status of historical memory; conceptualization of historical memory.
- **Conflict of interest:** *nothing to disclose.*

АКТУАЛЬНОСТЬ

На сегодняшний день феномен исторической памяти активно исследуется в междисциплинарном пространстве, но при этом сам статус исторической памяти остается открытым. Не до конца решена и теоретико-методологическая задача концептуализации исторической памяти. Соответственно, необходимо продолжить дальнейшую концептуализацию исторической памяти во всех ее аспектах.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Известно, что сопоставительный анализ содержательно-смысловых единиц исторической памяти в топонимике ее категориального ряда обнаруживает прежде всего экспликационные различия как в логическом, так и в эвристическом плане. С точки зрения формальной логики, содержательные единицы понятийного аппарата исторической памяти могут использоваться как взаимозаменяемые, но в процессе

развертывания исследовательской деятельности обязательно включаются эвристические ресурсы, позволяющие наполнить «историческую память» смысловыми нагрузками, которые можно варьировать. Рассмотрим наиболее типичные, на наш взгляд, определения «исторической памяти». Например, Л.П. Репина четко разводит историческое знание и память, определяя при этом историческую память как то, что «...запомнилось, помнится...» [1]. М.В. Соколова, отождествляя историю и историческую память, подчеркивает, что память – это объективное и точное отражение прошлого [2:37]. По мнению В.Н. Бадмаева, «...историческая память характеризуется как устойчивая система представлений о прошлом, бытующих в общественном сознании...» [3:79]. С точки зрения известного российского социолога-обществоведа Ж.Т. Тощенко, «историческая память, по сути дела, является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания» [4:3]. Е.А. Прихотько и С.О. Лебедева пишут: «...историческая память означает, что определенная группа сохраняет присутствующие в ее сознании и в культурных памятниках воспоминания о некоторых явлениях и событиях, которые являются носителями ее идентичности и ее судьбы» [5:132-135]. Вышеперечисленные определения исторической памяти представлены в методологическом поле парадигм классического знания.

В рамках экзистенциальной аналитики М. Хайдеггер, оставляя за исторической реальностью право модуса удерживания в бытие, подчеркивает, что историческая память – это удерживание в памяти прошлого.

В методологических исследованиях зарубежных авторов наблюдается смещение эпистемологического акцента трактовки «исторической памяти» в сторону герменевтических и психологических подходов, что позволяет включить историческую память в контекст исторических нарративов и переживаний. Например, Аллан Мегилл связывает историческую память с опытом реальных переживаний людей, «...которые на самом деле участвовали в обсуждении исторических событий» [6:112]. Пьер Нора подчеркивает, что «...память вцепляется в места, как история в события...» [7:17-50].

С одной стороны, так называемая методология классического знания, раскрывающая динамику человеческих изменений и развития общества в терминах историософии, окончательно не исчезла. Она продолжает работать в фокусе цивилизационного подхода – его реализация показала неплохие результаты [8; 9], которые можно использовать для анализа феномена «историческая память». С другой стороны, эпистемологические установки постмодернистских концепций, постулирующие идеологию техногенной цивилизации, окончательно запутывают ситуацию с исторической памятью. Оказалось, что технологическое отношение к миру вообще исключает понятие «память» в качестве временной характеристики, т.к. в отличие от природы техносфера не имеет собственной истории, а значит, и темпоральной бытийности. В итоге возникла «метафизическая

озабоченность» по поводу того, что память как социально-культурный феномен рассеивается в техносфере. Ситуация осложняется еще и тем, что в исследовательском поле исторической памяти существует непримиримая оппозиция разных методологических установок исторического познания: установка на замену онтологии гносеологией и установка на их демаркационное разведение. Эпистемологическим результатом стало размывание теоретико-методологических границ в историческом познании самого статуса реальности прошлого, с которым работает историческая память. Соответственно, содержательные дефиниции исторической памяти все больше размываются в современных философских дискурсах, специфика проявления исторической памяти на различных уровнях социального бытия становится теоретически неуловимой [10:41-42].

Сопоставим наиболее типичные понятийные единицы исторической памяти и рассмотрим методологическую базу, в пространстве которой артикулируются онтологические константы, задающие вариативность смысловых разночтений памяти. На наш взгляд, онтологические константы памяти – это те «предельно философские матрицы», которые организуют смысловое формирование понятийного аппарата исторической памяти.

При формировании содержательных единиц исторической памяти имманентно содержится вопрос о том, что отражает, схватывает, сохраняет и передает историческая память – историческую реальность, следы прошлого, историческую действительность, фактологичность, повседневность, нарративность или личную биографичность? Ответ на заданный вопрос – суть импликации проблематики онтологического статуса реальности. К сожалению, приходится констатировать, что проблематика онтологии в целом и реальности в частности отошла сегодня на последний план. Признаем, что в гносеологическом плане действительно существуют познавательные сложности, связанные, по мнению В.Н. Сагатовского, с тем, что многие философские исследовательские программы, например феноменология, «...не в силах справиться с проблемой объективной реальности (о постмодернизме всерьез говорить не приходится), а материалисты не в силах преодолеть свою рациональную ограниченность» [11:95].

Фиксируется наличие своеобразного философского «когнитивного диссонанса»: с одной стороны, признаки объективной реальности и ее существования отрицаются, с другой стороны, в неявной форме существование объективной реальности и ее признаков не отрицается. На наш взгляд, наличие этого диссонанса во многом объясняется методологическим замещением онтологической проблематики проблемами гносеологии, в результате чего на первый план выдвигается теоретическая работа исследователя с объектами, представленными и функционирующими лишь в идеальной или знаковой форме. Именно это обстоятельство позволяет каждый раз при обнаружении новой реальности, которая не укладывается в рамки теории классической объективности, причинности и детерминизма, вести разговор о смерти объективной реальности, а значит, и смерти тех онтологических моделей, которые ее описывают.

Как нам кажется, открытие науками все новых и новых реальностей не означает того, что добрая объективная реальность исчезла. Эти открытия подтверждают лишь то, что процесс познания мира неоднозначен и сложен.

Сложнее, чем в естествознании, обстоит дело с ментально-культурными явлениями, к которым отнесем историческую память. С одной стороны, исследователь учитывает сложившуюся философскую традицию трактовки исторической памяти (инвариант социальной памяти) в качестве эвристического принципа научного познания [12:94-104]. В этом аспекте феномен исторической памяти выступает в методологическом ключе, с помощью которого можно исследовать когнитивные пласты исторической и социальной памяти. С другой стороны, историческая память является социокультурным феноменом и как любое явление социума имеет сложную природу смысловой структуры. В широком смысле все социальные объекты в отличие от природных имеют иные основания презентации в обществе и научном познании. Эти основания были заданы известным всему философскому сообществу элеатом Парменидом, который сформулировал когнитивную установку: бытие непосредственно, но мыслимо. Можно утверждать, что Парменид заложил архетип специфического способа мышления, которое конституирует себя независимым от собственного основания. Появление данного архетипа послужило гносеологической причиной рассеивания как объектно-субъектных, так и субъектно-объектных границ предметности в структуре познавательной деятельности. Результатом этого рассеивания стало сведение онтологической проблематики к различным аспектам гносеологии. А знаменитая формулировка неокантианцев, согласно которой предмет не дан, а задан, окончательно санкционировала поворот дискуссии о предметности знания сначала в русло абстрактного теоретизирования, а потом в тематику замены познавательных аспектов предметности знания конструктивным моделированием знания.

Возникла новая эпистемологическая тематика познавательной деятельности, базирующаяся на принципах конструирования, в рамках которого возможны вариативные интерпретации одного и того же, а картина мира выступает игровой площадкой для жонглирования дискретными элементами мира, которые непрерывно меняют свое месторасположение. Когнитивный вектор новой эпистемологии стал активно корреспондировать специфику исследовательской работы ученого таким образом, что аналитические процедуры изучения разнообразных форм бытия человека конституировались теми формами знания, которые интенционально не зависели от любой эмпирической базы. При этом схема аналитических процедур задавалась уже существующими теоретическими схемами и конструктами. В этих условиях зародилась «очередная гносеологическая революция», в недрах которой возникла «стратагема соблазна» замены онтологической проблематики гносеологией с превращением первой в «...разновидность антропологии» [13:197-212].

Не обошел этот соблазн и историософию, которая в своем постмодернистском варианте позиционировала эпистемологическую установку: философия и история

«...теперь формируется как теория познания, а не как онтология» [14; 15].

Известно, что природа социокультурных объектов по своей структуре семантическая. Эти объекты могут содержать многослойный спектр смыслов и презентативаются только в деятельности человека. Поэтому они всегда включены в живую ткань социума и образуют механизмы собственной фактуальной представленности в формах объективированного опредмечивания, которые самостоятельно имплементируют себя процедурами интерпретации, символизации и текстуальности в качестве истинно сущего бытия. На это обстоятельство тонко обратил внимание М.К. Мамардашвили: «В социально-исторических исследованиях... очагом и реальной движущей силой истории, т.е. «объективным событием», «фактом»... истории является интерпретированное бытие, в применении к которому нельзя отдельно выделить анализом «интерпретацию» бытия его субъектами... и «истинное бытие», которое складывалось и действовало бы помимо своей интерпретированности» [16:280-281]. Таким образом, мир как социально-исторический процесс оказывается концептуален не посредством научного знания, которое обобщает существенные свойства и отношения, а другими мыслительными формами (образ, схема, фрейм, концепт, гештальт и др). Все эти формы, по выражению М.К. Мамардашвили, «экзистенциально избыточны» и имеют дело с представлениями о мире и способами его символического или знакового замещения.

В силу того что многие ученые трактуют прошлое не как реальность, а как действительность, схваченную исследователем в качестве возможности, они попадают в одну из «гносеологических ловушек», на которые указывает Д.Д. Левин: «Отмечу парадоксальную и вместе с тем фундаментальную особенность категорий «действительность» и «возможность» в теоретическом мире: для их описания не нужна категория времени. Диспозиционные признаки вторичны по отношению к реальным» [17:211]. Но без категории времени историческая действительность обесмысливается как прошлое, актуально присутствующее в настоящем, а собственный темпоральный модус бытия истории сводится к метаморфозам, текстам, местам памяти. В данном контексте становится понятной тематизация концепта «места памяти» (memory studies).

В своем известном произведении П. Нора подчеркивает: «...если правда, что фундаментальное право мест памяти на существование состоит в останкове времени, в блокировании работы забвения, в фиксировании настоящего порядка вещей, в обесмерчивании смерти, в материализации нематериального (золото есть единственная память денег) для того, чтобы заключить максимум смысла в минимум знаков, тогда очевидно, что именно делает их крайне привлекательным понятием – тот факт, что места памяти не существуют вне их метаморфоз, вне бесконечного нагромождения и непредсказуемого переплетения их значений» [7:11]. Из содержания отрывка видно, что французский ученый убежденно акцентирует семантический функционал «мест памяти» как имплицитную (сжатую) демонстрацию выхода из сферы темпорального.

Позитивные результаты интерпретационного конструирования событийных рядов прошлого, полученные с помощью методологических установок релятивизма и плюрализма, позволили историческому познанию, в пространстве которого работает историк, придать оттенок «интимной сопричастности». При этом главная трудность заключается в том, что любое исследование прошлого, проведенное на микроуровне исторической реальности с помощью операционных единиц «следы прошлого», «ностальгический опыт», «ментальные образы прошлого» и т.д., наталкивается на очень важное, а точнее, главное эпистемологическое препятствие: проблему репрезентативной достоверности той «экзистенциально избыточной» информации, которую на выходе получает любой историк.

Подчеркнем, что гносеологическая неопределенность взаимосвязи между исторической реальностью и знанием об исторической реальности ставит аналитика в ситуацию трагического выбора: либо найти эффективный способ примирить факт релятивности познания с классической традицией объективного, предметного знания, либо совсем отказаться от поиска общезначимых ответов на вопросы – что есть истина, как она возможна [18]. Заметим, что современными философами в той или иной степени неоднократно делались попытки методологического перевода проблематики истины в плоскость аккумуляирования ее моделей в коммуникативное пространство познавательных культур [19:10-13]. Но принципиальность вопроса о том, познаваемо ли историческое прошлое вообще, с повестки дня так и не снята. Приходится признать, что на чисто логическом уровне проблема не решается и в силу этого может быть переведена из плоскости разума на позицию веры. С этой позиции историк, да и любой желающий легко по собственному усмотрению конструирует прошлое. В рамках этих конструкций можно отрицать существование Хеопса, Ивана Грозного, Сталина, пересматривать итоги любых мировых событий, населять прошлое драконами, хоббитами и вообще разнобразить «историческое фэнтези».

Если же мы станем на ту точку зрения, что прошлое принципиально познаваемо, и останемся при этом на позициях рационального мышления (т.е. будем полагаться на собственные наблюдения и умозаключения), то можно исходить из предпосылки существования реальности прошлого через фокус «исторической сопричастности» этого прошлого к свершенным действиям и их результатам. Предполагаем, что прошлое познаваемо ровно настолько, насколько точны аналогии былого ситуациям, существующим сегодня в современном мире. А обнаружение в прошлом принципиально иных исторических образований и взаимосвязей будет той самой «экзистенциальной избыточностью», которую можно принимать или не принимать – по выбору. В контексте сказанного историческая память разворачивает свои «структуры памятования» [20:26] не только о предполагаемом прошлом, но и о реально существующем прошлом, которое историческая память репрезентирует в опыте предметной деятельности. Структуры «памятования» существуют как в природных, так и в социокультурных системах. Если в природных системах память презентирована биологическими и генетическими кодами [21], то в социокультурных

системах историческая память репродуцирована символическими и семиотическими кодами. Несмотря на специфику содержательного различия природных и социокультурных систем, их объединяет онтологическое общее – быть, существовать во всей полноте полифонической многомерности. В данном ракурсе историческая память и биологическая память финализируют актуализацию жизни, способность ее сохранить и продлить. В социуме историческая память выступает как способ сохранения и продления жизни в экзистенциальном векторе: прошлое – здесь; прошлое – здесь и теперь; прошлое – здесь и там. Так историческая память раздвигает границы жизни – бытия, она оказывается глубже и сильнее отношений акторов в сетевых матрицах. Ведь историческая память предполагает не только представленность, она выступает свидетельством существования. Можно не быть представленным, но все равно существовать. Тем самым снимается известное противоречие экзистенциала памяти: то, что не представлено действиями различным акторов, не существует, а то, что подвергнуто забвению, не присутствует в памяти как существующее.

Изложенная методологическая позиция расширяет общую онтологическую платформу между статусами исторической памяти и памяти природы. Любая память как памятование о прошлом актуализирует процесс сохранности жизни в любых системах. Так, генетическая память, наследуя конфигурацию аминокислот, не только передает, но и реализует жизненный цикл белковых молекул. Биологическая память таксомирует повторяемость предыдущих эмбрионов в становлении саморазвивающегося живого. Историческая память общества, будучи встроеной в сложные социокультурные системы, фокусирует экзистенциальные аспекты бытия социума или отдельного индивидуума.

Во всех этих системах память не только сохраняет, но и актуализирует существование самих систем. Выскажем предположение, что память как актуализация, сохранение и продление жизни посредством организации информации о прошлом может артикулироваться в любых системах. Обнаруживаются общие онтологические моменты у «структур памятования» природы и общества. Но онтологический статус исторической памяти фиксирует более глубинные взаимосвязи. Он закрепляет специфику проявления исторической памяти на различных уровнях бытия. На уровне социального бытия историческая память выступает как способность общества фиксировать этапы взаимодействия с окружающей средой, онтологизируя процесс присвоения человеком природного материала. На институциональном уровне историческая память закрепляет собственное содержание в систему социальных институтов, с помощью которых выполняются функции государственной политики, эффективного управления и воспитания. На экзистенциальном уровне историческая память сохраняет и продолжает жизнь рода, семьи, индивида в пространственно-временных координатах: прошлое – здесь; прошлое – здесь и теперь; прошлое – здесь и там.

Сущностное содержание самого феномена «память» как хранителя, транслятора и актуализатора состояний прошлого в настоящем выступает онтологическим условием

продления, существования и развития многообразных форм бытия. При этом историческая память социума не только сохраняет прошлое, но и содержит конструктивную способность выхода за пределы мира и самого человека. Именно так историческая память социума рефлексивизирует собственную предметность. Поэтому искусственно стереть историческую память социума «...видимо, в принципе невозможно. А если возможно, то исчезает целая культура, ее бытийные или онтологические основания, которые реализуются в историческом времени» [22;43].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, статус и содержание исторической памяти определяются бытийной структурой социальной системы. При этом пространственно-временные измерения исторической памяти актуализируют специфику процессов ретропекции и самопроизводства на каждом конкретном этапе развития общества. Данный контекст позволяет говорить об исторической памяти как фундаментальном феномене общества. Ведь историчность в широком значении содержит потенциал развертывания небытия, присутствия, исчезновения, забвения, дальнейшего развития. В этом плане взаимосвязь «пространство – время – история» закономерна и в определенном фокусе тождественна. Но если в природных системах эта взаимосвязь жестко задана алгоритмом «от неживого к живому», «от живого к его воспроизводству и саморазвитию», то в социальных и культурных системах она существует в искусственно созданном мире. В искусственном мире (как раньше говорили, «второй природе») действует иной алгоритм: «цель – деятельность – действие – результат», и ракурс этого алгоритма на каждом этапе развития социума осмысливался и реализовывался по разному в соответствии с социально-культурными запросами общества. Так как искусственный мир был создан разумом, волей и деятельностью людей, то на основе этого генезис искусственного был осознан как субъективный, т.к. искусственное подлежало фиксации в отношении «стороны субъекта». Поэтому взаимосвязь «пространство – время – история» в философско-гуманитарном аспекте осмысливалась как действия людей и результаты этих действий. Таким образом, именно формализация субъективности в социальных процессах постепенно исключила онтологический статус исторической памяти как ресурса для междисциплинарных исследований. Поэтому феномен исторической памяти традиционно исследовался философской рефлексией как явление, присущее только социально-культурным системам, а собственный анализ памяти ограничивался рамками гуманитарного знания. Справедливо заметим, что совместными усилиями теоретиков генно-культурной эволюции, а также представителей популярного научного направления «Большая история» Д. Кристиана, Ф. Спира и Марни Хагс-Варрингтона [23; 24], исследования по исторической памяти включаются в ракурс междисциплинарных исследований, где акцентируется методология исследования процессов взаимодействия природных и социальных систем. Оказалось, что ресурсная составляющая исторической памяти в поле этого взаимодействия значительно расширяет горизонты собственной бытийности. При этом историческая память

способна разворачивать в одном и том же бытийном срезе многоликий ансамбль экзистенциальных и функциональных потенциалов. Разворачивая экзистенциальные и функциональные потенциалы, историческая память наполняет содержание своих «структур памятования» значениями как объективного, так и субъективного бытия. Структуры памятования исторической памяти в формах пространственно-временной процессуальности сохраняют и транслируют материально-духовную предметность прошлого и опыт его освоения.

Сегодня в рамках междисциплинарного подхода на первый план все чаще выходят исследования по семиотическому взаимодействию механизмов социального наследования и внебиологического кодирования. В этих исследованиях проблематика исторической памяти все чаще рассматривается в рамках исторического взаимодействия природы и общества. Например, наследственная информация в ДНК играет определенную роль в становлении языковой культуры, а значит, в эволюции человека [23:40-50]. Эти виды информации содержатся в первичных клетках памяти и материальных носителях (книги, рукописи, артефакты, электронные записи и т.д.) и создают основу для экзистенциальности социума и человека.

Таким образом, расширение рамок концептуализации исторической памяти позволило обнаружить онтологическую общность исторической и биологической памяти, что придает статусу исторической памяти фундаментальную значимость.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Repina LP. *Historical science at the turn of the XX-XXI centuries*. М., 2011. (In Russ.). [Репина Л.П. *Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.* М., 2011].
2. Sokolova MV. What is historical memory. *Teaching history at school*. 2008;(7):37-44. (In Russ.). [Соколова М.В. Что такое историческая память. *Преподавание истории в школе*. 2008;(7):37-44].
3. Badmaev VN. Mentality and historical memory. *Bulletin of the Kalmuk University*. 2012;1(13):78-83. (In Russ.). [Бадмаев В.Н. Ментальность и историческая память. *Вестник Калмыцкого университета*. 2012;1(13):78-83].
4. Toshchenko ZhT. Historical consciousness and historical memory: analysis of the current state. *New and recent history*. 2000;(4):3-14. (In Russ.). [Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния. *Новая и новейшая история*. 2000;(4):3-14].
5. Prikhotko EA, Lebedeva SO. Historical memory and historical consciousness. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. 2010;1(5):132-135. (In Russ.). [Прихотько Е.А., Лебедева С.О. *Историческая память и историческое сознание. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2010;1(5):132-135].
6. Megill A. *Historical epistemology*. Translated from English. М., 2007. (In Russ.). [Мегилл А. *Историческая эпистемология*. Пер. с англ. М., 2007].
7. Nora P. Places of memory. *The problem of places of memory*. СПб., 1999. (In Russ.). [Нора П. Места памяти. *Проблематика мест памяти*. СПб., 1999].
8. Borisova TV, Klyuchnikova OS. Glamor under the sign of technogenic civilization. Samara, 2016. (In Russ.). [Борисова Т.В.,

- Ключникова О.С. Гламур под знаком техногенной цивилизации. Самара, 2016].
9. Ustyantsev VB, Orlov MO, Danilov SA. *Essays in Social Philosophy: Spatial Structures, the Order of Society, the Order of Global Systems*. Saratov, 2010. (In Russ.). [Устьянцев В.Б., Орлов М.О., Данилов С.А. *Очерки социальной философии: пространственные структуры, порядок общества, порядок глобальных систем*. Саратов, 2010].
 10. Anisimova SYu. *Historical memory: ontological and value foundations*. Saratov, 2021. (In Russ.). [Анисимова С.Ю. Историческая память: онтологические и ценностные основания: дисс. канд. филос. наук. Саратов, 2021]. Available from: <https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2021/03/26/dissertaciya.pdf> Accessed: 15.06.2022.
 11. Sagatovsky VN. Death of ontology? *Bulletin of the Russian Philosophical Society*. 2010;4:91-96. (In Russ.). [Саратовский В.Н. Смерть онтологии? *Вестник Российского философского общества*. 2010;4:91-96].
 12. Rebane YaK. The principle of social memory. *Philosophical sciences*. 1977;(5):94-104. (In Russ.). [Ребане Я.К. Принцип социальной памяти. *Философские науки*. 1977;(5):94-104].
 13. Buber M. *Human problems*. In: Two Images of Faith. M., 1995. (In Russ.). [Бубер М. *Проблемы человека*. В кн.: Два образа веры. М., 1995].
 14. Kollingvud RDzh. *History ideas. Autobiography*. M., 1980. (In Russ.). [Коллингвуд Р.Дж. *Идеи истории. Автобиография*. М., 1980].
 15. Loone EN. *Modern history of philosophy*. Tallin, 1980. (In Russ.). [Лооне Э.Н. *Современная история философии*. Таллин, 1980].
 16. Mamardashvili M.K. *How do I understand philosophy*. M., 1996. (In Russ.). [Мамардашвили М.К. *Как я понимаю философию*. М., 1996].
 17. Lyovin GD. *Philosophical categories in modern discourse understand philosophy*. M., 2007. (In Russ.). [Лёвин Г.Д. *Философские категории в современном дискурсе*. М., 2007].
 18. Mikeskina IA, Openkov MYu. New images of knowledge and reality. M., 1997. (In Russ.). [Микешина И.А., Опенков М.Ю. *Новые образы познания и реальность*. М., 1997].
 19. Bilalov MI. Philosophy of truth in the communicative space of cognitive cultures. *Bulletin of the Russian Philosophical Society*. 2016;1:10-13. (In Russ.). [Билалов М.И. Философия истины в коммуникативном пространстве познавательных культур. *Вестник Российского философского общества*. 2016;1:10-13].
 20. Dahin AV. Memory, history, the universe: on the way to a new ontology of reality. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University n.a. N.I. Lobachevsky*. 2012;1(3):19-34. (In Russ.). [Дахин А.В. Память, история, Вселенная: на пути к новой онтологии реальности. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2012;1(3):19-34].
 21. *Interdisciplinary studies of memory*. Eds. A.L. Zhuravlyov, N.N. Korzh. M., 2009. (In Russ.). [Междисциплинарные исследования памяти. Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Н. Корж. М., 2009].
 22. Darmograj VM. *Civilizational choice of Russia*. In: East, West, Russia. Philosophical and socio-cultural foundations of the interaction of civilizations. Saratov–Moskva–Saransk, 2017. (In Russ.). [Дармограй В.М. *Цивилизационный выбор России*. В кн.: Восток, Запад, Россия. Философские и социокультурные основания взаимодействия цивилизаций. Саратов–Москва–Саранск, 2017].
 23. Korotyayev AI, Babichev SA. *The role of genetic and mental information systems in the emergence and development of life on Earth*. Nalchik, 2009. (In Russ.). [Коротяев А.И., Бабичев С.А. *Роль генетической и умственной систем информации в возникновении и развитии жизни на Земле*. Нальчик, 2009].
 24. Huges-Warrington M. Big History. *Social Evolution & History*. 2005;4(1):7-21.

■ Автор для переписки

Анисимова Светлана Юрьевна
Адрес: пр. К. Маркса, 8, кв. 132, г. Самара, Россия, 443096.

■ Corresponding Author

Svetlana Yu. Anisimova
Address: apt. 132, 8 Karl Marks ave., Samara, Russia, 443096.

E-mail: anisimova.svetlana@mail.ru